

ной метод межкультурной коммуникации.

Литература

1. Википедия // [Электронный ресурс] <http://ru.wikipedia.org>.
2. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. – СПб, 1995.
3. Леви-Брюль, Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль. – М., 1994.
4. Малахов, В.С. Парадоксы мультикультурализма / В.С. Малахов // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. – М., 2002. – С. 48-60.
5. Монтескье, Ш. Персидские письма / Ш. Монтескье. – М., 1956.
6. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер. – М., 1993.

УДК 130.2 + 316.722

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ СЛАВЯНСКОГО МИРА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

С.В. Донских

УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

В работе рассматривается проблема выбора и обоснования социокультурных оснований региональной интеграции славянского мира. Основываясь на работах русских философов XIX – XX в. делается вывод, что эти основания несут цивилизационный, а не этнический характер.

In the work describes the problem of election and ground the social and culture basis of the regional integration Slavic world. According with Russian philosophies XIX – XX centuries author proclaimed, that this basis have a civilization character, but not ethnic.

Мировой финансово-экономический кризис 2008 г. подтвердил правоту как адептов глобализации, так и сторонников антиглобализма. С одной стороны, он явно обнажил серьезные изъяны и проблемы в «святой святых» глобализационных процессов – мировых финансах и свободном рынке, которые, в отличие от собственно социокультурных процессов никогда не ставились под сомнение в качестве «локомотива» глобализации. С другой стороны, кризис вскрыл всю колоссальную взаимозависимость стран и народов современного глобального мира, многим из которых в ближайшие годы суждено расплачиваться за чужие ошибки, в таких экономических секторах, о которых они даже не имеют представления.

Очевидно, что для большинства стран выход из финансово-экономического кризиса приведет к дальнейшей их интеграции в глобальные структуры, но опосредованным путем – посредством формирования достаточно устойчивых и способных активно влиять на мировые процессы региональных объединений. Хронологически первым

подобного рода региональным объединением явился Европейский союз, сформировавшийся в конце XX в. Начав свое развитие в качестве экономического объединения, современный Евросоюз, озабоченный в начале XXI в. проблемами «европейской идентичности», начинает претендовать чуть ли не на статус субцивилизации. В значительной степени европейский опыт становится образцом для стран Содружества независимых государств. Созданное для обеспечения «цивилизованного развода» постсоветских республик, СНГ, несмотря на все свои внутренние проблемы, оказалось востребованным региональным объединением, которое помимо экономического сотрудничества также пытается найти более устойчивые – социокультурные, цивилизационные основания собственного бытия в глобальном мире. Из возможных «фундирующих» СНГ дискурсов артикулирован пока лишь евразийский проект. Концепты «восточнославянской» или «поствизантийской» цивилизаций еще не получили своей развернутой системной разработки, не артикулировали своего «классического нарратива». Другие региональные объединения современного мира отличаются «структурной неполнотой». АСЕАН (Юго-Восточная Азия и Тихоокеанский бассейн) и НАФТА (США, Канада и Мексика) представляют собой преимущественно экономические блоки без «социокультурной составляющей». Лига исламских государств, наоборот, не может подкрепить свое культурно-конфессиональное единство весомым экономическим фундаментом. Но как будут соотноситься друг с другом будущие регионы?

Адепты регионализма надеются, что региональные объединения будущего будут иметь определенное равноправие в своих взаимоотношениях, а неизбежные моменты неравенства будут нивелироваться сложными дипломатическими комбинациями. Возможно, что подобная модель в значительной степени является экстраполяцией теории мультикультурализма с национального на глобальный уровень и фундируется идеалом «единства в многообразии». Однако, есть и пессимистический вариант развития «мирового регионализма». В написанном еще до кризиса 2008 г. футурологическом алармистском философском романе «Глобальный человек» известный современный мыслитель А. Зиновьев построил модель будущего Глобального общества (ГО) как иерархию регионов. На ее вершине находится мировой лидер и гегемон Западный Союз, с двумя регионами: Американским и Европейским. Затем идут Евразийский Союз и Восточный Союз – тщательно контролируемая Западным Союзом полупериферия Глобального общества. За ними располагается «Четвертый Мир» – региональным образом структурированная мировая периферия [1, с. 18].

Мировой финансово-экономический кризис вскрыл неизбежность учета внеэкономических параметров процессов регионализации. До кризиса казалось, что перманентный экономический рост может снять все социокультурные проблемы за счет непрерывного увеличения благосостояния населения. Поэтому при формировании регионов политики редко принимали в расчет этнокультурные и цивилизационные факторы. Однако, в современных условиях очевидно, что регион должен формироваться в том числе и на основе «нематериальных ресурсов» – этнокультурных и цивилизационных. Только они способны сохранить региональное единство в условиях кризиса и распада «экономических скреп» региональной интеграции, сделать самоочевидной «помощь ближним» в период неблагоприятной экономической конъюнктуры.

В данном контексте возникает неизбежный вопрос о приоритетности «нематериальных факторов» региональной интеграции: этнос или цивилизация должны быть базовым основанием для моделирования и конструирования региона? На этот вопрос пыталась дать ответ русская философия, рассуждая о проблемах цивилизационного развития и выбора восточнославянских народов.

Обращаясь к русской философии XIX – начала XX вв., необходимо сразу же отметить, что она менее всего была склонна отождествлять какую-либо цивилизацию с конкретным этническим носителем. Уже в раннем славянофильстве ясно определилось не только противопоставление Запада и России как самобытных и несовместимых социокультурных миров, но и пренебрежительное отношение русских мыслителей к «этнокультурной» проблематике. Уникальность России славянофилы видели не в народе как этносе, а в особенностях религии (православия) и исторической традиции (община, самодержавие). В этом плане показательны попытки славянофилов откеститься от случайно закрепившегося за этим философским направлением названия. А.С. Хомяков и И.В. Киреевский предпочитали именовать его «православно-словенское», «славянско-христианское», а В.В. Зеньковский справедливо утверждает, что еще точнее было бы говорить о «православно-русском» направлении в философской мысли, ибо все культурные особенности и потенции России детерминировались славянофилами исключительно религиозным путем [2, с. 242].

Для позднего славянофила К.Н. Леонтьева сущность истории того или иного народа заключается в развертывании, актуализации культуры, которая обусловлена определенными метафизическими принципами, трансцендентными нашему эмпирическому миру. Леонтьев выделяет такие трансцендентные первоосновы культурных

типов как европеизм, византизм, китаизм. Любой народ может взять за основу один из этих метафизических типов и начать свое культурно-историческое развитие. Симпатии Леонтьева были на стороне византизма как типа культуры, а его критика направлена на декадентскую европейскую культуру с ее «мелким земным всеблаженством» и «земной радикальной всепошлостью». Мыслитель считал принципиально невозможным утверждать наличие этнодетерминированной восточнославянской цивилизации. «Славянство есть [...] славизма (т.е. типа культуры – С.Д.) нет, или он еще очень слаб и не ясен», – утверждал К.Н. Леонтьев [3, с. 71]. На примере южных славян мыслитель убедительно показал, что не этническое родство или своеобразие, а культурное единство всецело определяет пути истории. Имплицитно К.Н. Леонтьев подводит своих читателей к выводу о ненужности «изобретения» славизма как нового цивилизационного принципа, когда уже существует блестяще зарекомендовавший себя в истории России византизм.

Если К.Н. Леонтьева можно считать наиболее ортодоксальным продолжателем трансцендентно-религиозной историософии ранних славянофилов, то Н.Я. Данилевский был единственным из поздних славянофилов, положившим в основу своих взглядов этнокультурные идеи основателей направления. Первый из законов культурно-исторической типологии Н.Я. Данилевского гласит: «Всякое племя или семейство народов, характеризуемое отдельным языком или группой языков, довольно близких между собой [...] составляет самобытный культурно-исторический тип, если оно вообще по своим духовным задаткам способно к историческому развитию и вышло уже из младенчества» [3, с. 453]. Если признание культурной самобытности каждого народа и критика мнимого универсализма западной цивилизации может рассматриваться как несомненное достижение историософской мысли Н.Я. Данилевского, то его попытка классифицировать народы по их «духовным задаткам» внушает определенные опасения. На это обратил внимание один из классиков социальной философии и социологии XX в. П. Сорокин, когда подчеркнул важное место в размышлениях Н.Я. Данилевского этнокультурной типологии народов. Все многообразие рас и народов распадается у Н.Я. Данилевского на три большие группы: «позитивные творцы истории, создавшие великие культурно-исторические типы», «негативные творцы истории» (народы разрушители) и «этнографический материал» – «используемый творческими народами для обогащения своих цивилизаций». В результате четвертый закон Н.Я. Данилевского – «Для реализации подлинно высокой культуры

необходим разнообразный «этнографический материал» – прямо противоречит первому закону! Спасение из создавшегося тупика мыслитель нашел в определяющем факторе единого пространства, которое закономерно втягивает в орбиту культурного развития «творческих народов» соседние этносы. Поэтому в состав будущей славянской цивилизации мыслитель смело включил греков, венгров и румын. Какие бы великие перспективы не пророчил Н.Я. Данилевский для будущего славянского культурно-исторического типа это не помешало ему признать, что современное положение славянства не дает ему права претендовать на самобытную цивилизацию.

Этнические детерминанты свойственной восточным славянам цивилизации были окончательно похоронены в евразийстве. Определяющим фактором культурного развития все евразийцы, от Н.С. Трубецкого до Л.Н. Гумилева, признали пространство. В их глазах три великие равнины – «восточноевропейская, западносибирская и туркестанская» – образовывали естественную среду для особой, «евразийской» цивилизации. Государственным идеалом становилась империя Чингисхана, а этнической основой Великой степи являлись славянские, тюркские и финно-угорские народы, противостоявшие «романо-германскому Западу». При подобном понимании философии истории ни о какой «этнической чистоте» евразийской цивилизации говорить не приходится, да и заверения первых евразийцев в верности «истинному вероучению церкви Православной» выглядят неубедительно, ибо само по себе евразийское степное пространство индифферентно к любой религии. Свидетельство тому – распространение среди тюркских кочевых народов ислама. Увлечение «естественно-научными» факторами цивилизационного развития вызвало в евразийстве эволюцию от «географического детерминизма» к впечатляющей картине «пассионарного мутагенеза» Л.Н. Гумилева, в которой для религии и культуры уже не оставалось места [4].

Таким образом, русская философская мысль однозначно склоняется к тому, чтобы признать цивилизационное единство решающим фактором успешной регионализации социокультурного пространства. Однако большинство русских мыслителей при этом признают, что собственно «славянский», «восточнославянский», «славяно-православный», «поствизантийский» цивилизационный текст еще не артикулирован в современной гуманистике, что является одним из главных факторов дезинтеграции славянского мира и его участия в «инокультурных» региональных проектах.

Литература

1. Византизм и славянство. Великий спор. – М.: Эксмо, 2001. – 618 с.
2. Гумилев, Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории / Л.Н.Гумилев. – М.: Академ-проект, 1992. – 347 с.
3. Зеньковский, В.В. История русской философии. В 2х т. / В.В.Зеньковский – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – Т.1. – 542 с.
4. Зиновьев, А.А. Глобальный человек / А.А.Зиновьев. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2000. – 448 с.

УДК 536.75

**ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В КОНТЕКСТЕ
ПРИНЦИПОВ СИНЕРГЕТИКИ**

В.Н. Князев

ГОУ ВПО «Московский педагогический государственный
университет»

г. Москва, Российская Федерация

В статье рассматривается позитивная роль синергетики в исследовании проблем экологии. Содержательный анализ методологических принципов концепции самоорганизации сложных систем может быть использован при анализе глобальных проблем современности. Синергетика по-своему способна прояснить возможные пути выхода из складывающейся ныне сложной экологической ситуации.

This article deals with the positive role of synergetic in ecology problems research. Substantial analysis of methodological principles of complicated systems' self-organizing may be used in the analysis of global present-day problems. Synergetic is capable of finding its own ways out of the current complicated ecological situation.

Взаимоотношение природы и общества в немалой степени зависит от экономического и геополитического развития того или иного народа. Если в эпоху Нового времени культивировалось убеждение в том, что человек – это господин природы, то во второй половине 20 века принципиально обострилась экологическая проблема, проявляющаяся в мощном антропогенном и техногенном воздействиях на окружающую среду, в увеличении пустынь, в исчезновении ряда видов флоры и фауны и т.д. В такой ситуации синергетическое мировидение может способствовать поискам путей более эффективной коэволюции человека и природы; разумеется, сама гармония человека с природой – идеал, нереализуемый в обозримом будущем.

В масштабе биосферы экологические проблемы можно решать лишь в рамках ноосферной и собственно синергетической стратегии. Это в полной мере относится к реализации принципов синергетики в исследовании социобиологических систем. При этом синергетика не дает «жестких рецептов», однако она вполне может выступать в качестве новой методологии в прогнозировании будущего. Ведь будущее